

Острый кончик маленького резца лишь слегка скользнул по коже — и на указательном пальце Пэй Чанлиня тут же появилась тонкая порезанная линия.

«Ай-ай, кровь!» - Хэ Чжэньшу вздрогнул от неожиданности. Увидев, что тот поранился, он быстро забеспокоился и кинулся к шкафу искать мазь. «Я же говорил, тебе надо ещё отдохнуть! Опять, наверное, себя плохо чувствуешь — вон, даже инструмент удержать не можешь!»

К счастью, в доме Пэев с лекарствами было всё в порядке — семья ведь жила ремеслом, и мелкие травмы тут случались постоянно. В каждой комнате лежали средства от порезов и ушибов.

Хэ Чжэньшу быстро нашёл нужное, вернулся к столу и стал обрабатывать рану.

Пэй Чанлинь чуть шевельнул рукой, будто хотел отдернуть её, но Хэ Чжэньшу схватил пальцы покрепче.

«Хорошо, что порез неглубокий» - тихо сказал он, нежно стирая выступившие капельки крови и слегка подув на рану. «Больно?»

Пэй Чанлинь хотел было покачать головой.

Что такое для плотника — поранить руку? Особенно на первых порах, когда режешься, царапаешься, а иногда и щепка под кожу залезет. Мелочь. Даже если не мазать, к утру всё затянется. Боли — почти никакой.

Но молодой супруг осторожно держал его руку в ладонях, брови были тревожно сдвинуты; и в голосе, и в выражении лица чувствовалась искренняя тревога. Видно было, что он нечасто делает подобные вещи — движения у него немного неуклюжие, непривычные, но прикосновения очень лёгкие, бережные, словно он действительно боялся причинить боль.

Пэй Чанлинь опустил голову и, словно под чьим-то наваждением, едва слышно произнёс:

«...Да. Немного больно».

«Порезался — как же не больно?» - раздражённо отозвался Хэ Чжэньшу, но тут же смягчился и тихо добавил: «Сейчас я подую, ничего, скоро перестанет болеть...»

Он наклонился совсем близко; тёплое дыхание коснулось раны, вызвав лёгкое щекочущее ощущение. Пэй Чанлиню показалось, будто это дыхание проникает от кончиков пальцев прямо в грудь — сердце забило быстрее, дыхание стало неровным.

Но он не отстранился. Напротив, он опустил взгляд и почти жадно рассматривал стоящего так

близко человека.

Этот человек — его супруг.

Они уже поклонились небу и земле, выпили свадебное вино из одной чаши.

Хэ Чжэньшу... изначально принадлежал ему.

Краем глаза Пэй Чанлинь вдруг заметил на столе тот самый документ о разводе, который Хэ Чжэньшу небрежно оставил раскрытым. Каждый написанный на нём иероглиф будто резал глаза. Сердце забило ещё сильнее, дыхание стало неровным, прерывистым.

«Хэ Чжэньшу, я...» - выдавил он, но внезапно острая боль, словно игла, пронзила грудь. Слова оборвались, краска стремительно сошла с его лица.

«Что с тобой?! Ещё ведь только что всё было нормально!» - Хэ Чжэньшу в панике подхватил его, чувствуя, как грудная клетка Пэя тяжело и быстро поднимается.

Он, обхватив его, попытался дотащить до кровати, но запнулся о край и потерял равновесие — они вдвоём рухнули на постель. В последний миг Хэ Чжэньшу успел повернуться, чтобы тот упал сверху, на него.

Матрас был мягким, но вес взрослого мужчины всё равно был немал. Хэ Чжэньшу ударился так, что у него потемнело в глазах, дыхание сбилось, почти перехватило. Но он не обратил внимания на боль — всё его внимание было приковано к человеку сверху.

Лицо Пэя Чанлиня полностью побелело, губы посинели; он зажмурился, брови болезненно сжались. Казалось, он из последних сил борется с острой, пронзающей болью и удушьем, исходящим прямо из сердца.

В таком положении у него не было возможности сдвинуть его с места — Хэ Чжэньшу только крепче обнял Пэй Чанлиня.

«Не бойся, дыши медленно... всё хорошо, ничего страшного» - шептал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Когда приступ болезни у Пэя начинался, не существовало никакого способа облегчить его состояние. Никто не знал, когда именно боль достигнет — и как долго будет мучить.

Хэ Чжэньшу прижимал его к себе, ощущая, как бешено колотится его сердце, и, почти бессознательно, продолжал тихо успокаивать его, шепча что-то тёплое, утешительное.

Прошло не известно сколько времени, прежде чем дыхание Пэя выровнялось, а тело обмякло.

Хэ Чжэньшу осторожно уложил его на кровать.

Тот весь был в холодном поту. Хэ Чжэньшу быстро принёс тёплой воды, помог ему умыться и переодеться. Когда наконец убедился, что тот отдыхает, он вернулся к столу, чтобы разобрать последствия недавней суматохи.

Деревянная птичка, над которой Пэй трудился два дня, лежала на столе — расколовшаяся пополам, аккуратно выдолбленная серединка теперь зияла трещиной. Испорчена безвозвратно.

Хэ Чжэньшу молча посмотрел на эту несчастную деревянную птицу, потом перевёл взгляд на Пэя Чанлиня, который тихо лежал на постели — будто бы уже спал.

Он тяжело выдохнул.

Теперь-то он понял, почему Пэй Ланьчжи не хотела, чтобы младший брат продолжал возиться с деревом.

Это не просто отнимало силы — стоило допустить ошибку, и он принимал всё слишком близко к сердцу.

Вот, пожалуйста — довёл себя до приступа.

Эх...

Больной и правда на следующий день так и не смог встать с постели, поэтому Хэ Чжэньшу решил вовсе не идти во двор, а остаться дома, чтобы приглядеть за ним.

Впрочем, особенно присматривать было не за чем — Пэй Чанлин почти весь день проспал, только изредка приходил в себя, когда Хэ Чжэньшу будил его поесть или выпить лекарство.

Лишь к полудню он наконец начал понемногу приходить в сознание.

«Проснулся?» - раздался в комнате спокойный голос маленького супруга. «Хочешь пить? Принести воды?»

Пэй Чанлин проспал весь день напролёт; тело казалось ватным, кости ломило, а голова сильно болела. Он прикрыл глаза ладонью и хрипло спросил:

«Который сейчас час?»

«Почти половина шестого». Хэ Чжэньшу глянул на небо за окном и с лёгкой улыбкой добавил: «Ещё немного и я бы уже звал тебя ужинать».

Пэй Чанлин не ответил.

Он слишком долго спал и всё ещё не мог полностью прийти в себя — взгляд его был рассеянным, выражение слегка сонным и растерянным. В этом состоянии он выглядел даже милее обычного.

Хэ Чжэньшу без стеснения полюбовался им несколько секунд, а потом перевёл взгляд обратно на своё занятие.

В доме Пэев в тот день всё ещё продолжали делать бумажные зонты, покрытые маслом. Хотя Хэ Чжэньшу не вышел во двор, он всё же принёс в комнату несколько инструментов и заготовок.

За всю свою жизнь Хэ Чжэньшу редко сталкивался с чем-то, что у него никак не получалось. Он не был из тех, кто отступает перед трудностями, а наоборот, чем больше неудач, тем сильнее разгорался его азарт.

Он всё ещё не решался использовать заготовленные мастером Пэем отшлифованные бамбуковые трубки, поэтому наметил на обломке бамбука тонкую линию тушью, обозначая контуры, и медленно, шаг за шагом, стал срезать лишнее. Однако ошибок всё равно было немало.

Очнувшийся на кровати Пэй Чанлин повернул голову, и увидел своего маленького супруга за столом. Вокруг него, на полу и на столешнице, валялись обломки испорченных бамбуковых пластин, одежда была вся в опилках, а лицо испачканное и усталое.

Пэй Чанлин: «...»

«И что тут смешного?» - Хэ Чжэньшу, заметив краем глаза его едва заметную улыбку, недовольно бросил.

Пэй Чанлин опомнился, быстро отвёл взгляд, но через пару мгновений снова украдкой посмотрел.

Он понял, что прежде ошибался: его маленький супруг вовсе не был «безупречным во всём». По крайней мере, с ремеслом у него явно не ладилось. Говорили, что он и шитья не знает, и готовить не умеет — словом, всё то, что полагается уметь деревенской супруге, Хэ Чжэньшу делал плохо.

Неудивительно, что в деревне шептались: мол, он — бывший сын богатого дома, никогда и пальцем не притрагивался к настоящей работе.

Неуклюжий и неумелый.

Пэй Чанлин смотрел на него, не замечая, как взгляд его смягчился, пока Хэ Чжэньшу, не выдержав, не швырнул ножик на стол и не пригрозил:

«Ну-ка, попробуй ещё посмеяться!»

Пэй Чанлин тихо кашлянул, опёрся на руку и, приподнявшись, спокойно сказал:

«Дай сюда, я сделаю».

«Что ты собираешься делать?» - Хэ Чжэньшу поспешно спрятал бамбук за спину. «Тебе сейчас надо хорошенько поправиться. Вчера ты только одну деревянную птичку сломал — и уже так расстроился, что чуть снова не слёг. Я тебе больше ничего трогать не дам».

Пэй Чанлин: «...Значит, - медленно спросил он, - ты думаешь, вчера всё из-за того, что птичку сломал?»

«А иначе почему?» - искренне удивился Хэ Чжэньшу.

Молодой супруг выглядел абсолютно уверенным и даже гордым, совершенно не догадываясь, что вчера Пэй Чанлин разозлился вовсе не из-за поделки, а из-за него самого.

Пэй Чанлин помолчал, чувствуя, как снова начинает болеть в груди. Он беззвучно выдохнул, решив не спорить — иначе, пожалуй, не болезнь, а этот человек его доконает.

Что до той нелепой бумаги о разводе, он не знал, куда Хэ Чжэньшу её в итоге спрятал, но был уверен в одном: день, когда она пригодится, никогда не настанет.

Он прекрасно понимал, в каком состоянии находится его тело.

«Выздороветь?» - горько усмехнулся про себя Пэй Чанлин. «Невозможно».

Он отогнал тяжёлые мысли и, стараясь говорить спокойно, произнёс:

«Я не собираюсь делать много. Просто хочу тебе немного помочь».

Хэ Чжэньшу нерешительно пробормотал:

«Но ведь...»

«Эта партия материала отличная» - спокойно сказал Пэй Чанлин. «Те бамбуковые заготовки, что ты взял для тренировки, можно было использовать для плетения или резьбы. А теперь, после того как ты их изрубил, — только в печь бросать».

Хэ Чжэньшу смущённо опустил голову:

«Прости...»

Теперь ему стало ясно, почему, когда он ходил за «ненужными остатками», мастер Пэй и Пэй Ланьчжи смотрели на него странно, словно хотели что-то сказать, но передумали. То, что его до сих пор не отругали, — настоящее чудо. Семья Пэй, выходит, и правда слишком добра к нему.

Пэй Чанлин протянул к нему руку. Хэ Чжэньшу сразу снял, покорно передал одну единственную целую бамбуковую заготовку, к которой ещё не коснулся нож.

Разумеется, это тоже был отрезок из выброшенных частей.

Пэй Чанлин чуть приподнял бровь, будто хотел что-то сказать, но сдержался.

«Нож» - коротко произнёс он.

Оценив собственные силы и вес небольшого топорика в руках юноши, он незаметно поправился:

«Вернее, резец тоже подойдёт».

Хэ Чжэньшу не заметил его колебания, но, естественно, предпочёл, чтобы тот использовал лёгкий резец — меньше шансов, что снова поранится.

Он наклонился и порылся в тайном ящичке под кроватью, выбрал самый лёгкий и тонкий резец и протянул его Пэй Чанлину.

Тот взял инструмент, проигнорировав беспорядочные линии туши, которыми Хэ Чжэньшу успел изрисовать бамбуковую заготовку. Одной рукой он уверенно взял резец и провёл на поверхности идеально ровную борозду.

Почти не задумываясь, он быстро сделал вторую — точно рядом с первой.

Двадцать восемь рёбер зонта — двадцать восемь надрезов.

Каждый — на одинаковом расстоянии, ровный, как под линейку.

Хэ Чжэньшу смотрел, раскрыв рот.

Он всегда знал, что Пэй Чанлин мастеровит, но пока сам не попробовал, не понимал, насколько это сложно. Теперь же, видя, с какой лёгкостью тот делает то, с чем он возился полдня, Хэ Чжэньшу наконец осознал, что тот человек и правда рождён для такого ремесла.

Пэй Чанлин закончил последний надрез и, подняв глаза, встретился взглядом с ошеломлённым юношей. Видя его неподдельное восхищение, он вдруг ощутил лёгкое удовлетворение. Передавая заготовку обратно, он спокойно сказал, стараясь не выдать довольной улыбки:

«Сверху режь глубже. Отсюда можно расщепить — не бойся приложить силу».

Хэ Чжэньшу послушно поднял нож и одним точным движением рассёк бамбук. Тот раскололся ровно, без трещин, получилась идеально гладкая планка.

Он поднял бамбуковую полоску, посмотрел на Пэй Чанлина — глаза засияли.

Пэй Чанлин, откинувшись на изголовье кровати, спокойно спросил:

«Хочешь, чтобы я помог дальше?»

Хэ Чжэньшу замялся, но в голосе всё равно прозвучала надежда:

«...Можно?»

Следующие несколько часов Пэй Чанлин помогал Хэ Чжэньшу — на каждой принесённой бамбуковой заготовке он аккуратно прочерчивал линии, потом вместе с ним расщеплял их на рёбра для зонта. После этого терпеливо объяснял, как их шлифовать и где сверлить отверстия.

Незаметно подошло время ужина. Поскольку Хэ Чжэньшу всё это время не выходил из комнаты, Пэй Ланьчжи сама пошла в задний двор позвать его. Подойдя к окну, она увидела, как молодой супруг сидит на корточках у кровати, сосредоточенно сверлит отверстия в бамбуковых спицах.

А тот, кто должен был лежать и отдыхать, полусидя, уперевшись на изголовье, и с опущенными глазами наблюдал за ним:

«Ногу поставь плотнее... Неуклюжий».

«Не смей меня ругать!» - раздражённо ответил Хэ Чжэньшу, крепче прижимая ногу к спице.

«Даже отец меня так не ругал!»

Уголки губ Пэй Чанлина чуть приподнялись:

«Тогда не делай ошибок».

Пэй Ланьчжи: «...»

Она знала, что прошлой ночью у Пэй Чанлина снова прихватило сердце, и сегодня он должен был отдыхать, а не тратить силы.

Но...

Пэй Ланьчжи молча смотрела сквозь узкую щель в окне на этих двоих в комнате — один сосредоточенно возился с поделкой, другой с мягкой улыбкой наблюдал за ним — и невольно задержала дыхание.

Она уже и не помнила, когда в последний раз видела, чтобы Пэй Чанлин так улыбался.

С каждым годом его здоровье становилось всё хуже. Даже сама Пэй Ланьчжи уже давно не верила, что в мире существует способ исцелить его — что уж говорить о нём самом.

Но с тех пор как он взял нового мужа, всё будто немного изменилось.

Пэй Ланьчжи в итоге не стала их тревожить.

Она вышла из заднего двора, подняла взгляд к дальнему горизонту — закатное солнце опускалось за горы, окрашивая облака в густо-алые тона.

Да, жизнь... только так, пожалуй, и должна идти, чтобы в ней был настоящий вкус.

<http://bllate.org/book/14476/1280772>